

Сахалинский пейзаж

с грузинским акцентом

Не место красит человека

Борис СУМАШЕДОВ

Из биографии: *Гиви Михайлович Манткава, по национальности — грузин, родился и вырос в Тбилиси, где окончил Академию художеств. С 1956 года живет и трудится на острове Сахалин. Заслуженный художник Российской Федерации.*

Иной читатель, конечно же, удивится: южный человек, а живет... При одном названии острова мурашки по коже. Дурная слава об этом крае света: в полном собрании чеховских сочинений томик о сахалинской каторге, в песенном фольклоре — бродяга, что оттуда еле ноги унес... А о том, что на острове постоянно цунами и землетрясения, все знают, один колокол Нефтегорска долго еще будет звучать...

Но вот скажите обо всем этом сахалинскому аборигену Манткаве, он только плечами пожимает: «В нашей России такое в порядке вещей... И в Грузии, — улыбнется, — тоже, бывает, трясет!»

Зная этого человека более тридцати лет, понял, что для Гиви Манткавы достойны удивления только зримый мир природы и людей, лишь то, что можно перенести, переплавив в воображении и сердце, на бумагу и холст.

И в этом Гиви, постоянно меняясь, остался все тем же мальчиком с проспекта Руставели, который всему и всегда удивлялся.

...Истоки его «творческой биографии» — без нее ведь не обойтись — в 60-х годах. И, значит, совпадают они по времени с развитием, говоря хрестоматийно, советского изобразительного и иного искусства на крутом повороте современной истории.

Круги от московских камней, что сыпались тогда на молодые дарования, разлетались по всем городам и весям. Достигли и Сахалина. Сладострастно, публично, неуклюже подражая (впрочем, напротив, очень даже «уклюже» и похоже!) дорогому Никите Сергеевичу, который незадолго перед тем обрушился на живописцев в Москве, стали и на острове избивать группу молодых художников и первого среди них, самого талантливого — Манткаву.

Но вот что интересно. Он не вступал в объяснения, не калялся... Хорошо помню его улыбку, эдакую, сразу и не поймешь: то ли извинительную, то ли язвительную. Стоял почтительно так, изящно одетый, подтянутый, ослепительно молодой грузин в почти сплошь подобострастной толпе сопровождающих секретаря обкома по областной выставке, слушал самые нехорошие слова о своих полотнах и — улыбался. А в ответ на брошенные как бы невзначай, но с особым смыслом слова «первого» о том, что он «на досуге тоже акварелью балуетя», Гиви спросил его с виновным выражением лица: «Может, покажете?»

Не показал...

Картины Манткава выставил действительно неожиданные.

...За плечами было уже несколько лет самостоятельного труда в областных художественных мастерских. Тбилисская академия художеств враждовала по своей орбите с одной стороны земного шара, он плыл на лодке-острове с другой.

Плыл себе и плыл, никому не известный молодой художник, днюя и ночуя в своей мастерской, вернее, убогой комнатке в старой японской халупе с круглой, вечно горячей чугунной печкой.

Здесь, прислоненный к стене, стоял довольно большой холст с начертанными пока углем фигурами. Гиви замахнулся на тему «Чехов на Сахалине». Особенно удалась эскизы к картине. Лицо старика с белой бородой и сейчас вижу отчетливо. И лица каторжан были написаны довольно выразительно. Вставляли в памяти полотна Гудиашвили и... Сурикова. Хотя, откровенно говоря, много было в той картине, позже приобретенной краеведче-

ским музеем, от академии, не в лучшем смысле этого слова.

Но наступали новые времена. Запевались новые песни, и задували новые ветры. И Гиви резко изменил стиль своего письма, стал рисовать поразительные, часто очень неприличные вещи.

Лучшее из своего нового и выставил тогда на областной: «Черное солнце» — трагическая, кричащая картина. «Море» — холст, разделенный пополам на два цвета, две стихии — неба и воды. И еще «Шарик улетел» — все уже хорошо знали эту песенку Окуджавы.

Было чему удивляться. И было от чего прийти в сановный гнев.

И после выставки от него не отстали. Но когда многие из его товарищей — художников, поэтов — в ответ на «зажим» лишь, как сейчас говорят, «диссидентствовали», он продолжал работать, мало реагируя как на хулу, так и на хвалу. А хвала прилетела из самой Москвы. В 1962 году в «Литературке» появился о нем очерк, опубликовали и несколько его графических работ. Автором очерка был Владимир Канторович, известный прозаик, отсидевший свое в сталинских лагерях, реабилитированный и приехавший на близкий ему с тридцатых годов остров. Повели его, конечно же, и в мастерскую «нашего чертовски талантливого — вот увидите! — но не признанного грузина!»

Писатель пошел, работы ему действительно понравились, он что-то увез с собой в Москву...

Но эти и другие слова похвалы в центральной и местной прессе только усложняли жизнь Манткавы. Любая его работа на официальном уровне встречалась в штыки. Он почти не выставлялся. Газеты его печатать остергались (а он тогда увлекся рисунком тушью, гравюрой).

Хорошо помню, как секретарь обкома партии по идеологии, человек, впрочем, по-своему неглупый, серьезно растолковывал вредоносный смысл его графики.

— «Бежал бродяга» — это что, намек на то, что и сейчас из нашей славной островной области люди бегут? А агронома на фоне каких-то огородных клочков изобразил! Развел, видишь ли, на картинке частную собственность, когда у нас всюду колхозные угодья!.. Не только формализм, но и отрыв от народа, от жизни!

...А у меня дома висит на стене один его ранний этюд маслом. Уголок цветничка, белое облако, нежная зелень листьев, воздушные девичьи фигурки, розовая мостовая...

Какое чистое, распахнутое «окно в прошлое!» Нет уже того старого здания, из окна которого писался этюд, — давным-давно снесли, и цветничка этого нет, и деревьев, и девчушки улетучились вслед за растаявшим облачком. А волнение живет. Только взглянешь, как...

Как вспоминаются стихи, сочиненные тогда же, в шестидесятых, одним нашим общим с Гиви знакомым и тоже многократно бытым поэтом: «Южно-Сахалинск, Вьюжно-Сахалинск,

акцентом

Снежно-Сахалинск, Нежно-Сахалинск...»

Параллель, на которой лежит Сахалин, — почти кавказская, а значит, солнце в той же поднебесной вышине. Но вся чертовщина стихий, настоянная в близких льдах Охотского моря, в тайфунных безднах безбрежного океана, во всей фантазмагии природы не мифического, а реального, — вот он, рукой подать, край света, делает место проживания, а значит, творчества совсем иным, что видели и запомнили

глаза с детства до зрелой юности. И все мешается на палитре, а потом на холсте: южные краски воспоминаний с вьюжными картинами реального мира, в котором обитаешь, храня нежность в сердце. Думаю, что у своего замечательного учителя Ладо Гудиашвили Манткава перенял неустанный, неутомимый желание всепоглощающей работы. А признание, что пришло с годами, естественно. И на всесоюзных выставках не раз выставлялся, где его картины не раз одобрительно отмечали. Ездил он (еще, правда, при советской власти) и в Тбилиси: с успехом там тогда персональная выставка прошла. В областном художественном музее тоже, конечно, представлен достойно.

...На днях говорил с ним из Москвы по телефону — звал Гиви Михайлович на свою очередную персональную выставку: «Ведь у меня в мае, наверное, помнишь, — годовщина!... Надо же — моему старому и вечно молодому другу — шестьдесят пять!»

Знаю, что на этой выставке зрители увидят и его работы из тех лет «оттепели», когда так колосматили Манткаву за пресловутый абстракционизм. Где хулителю — а? А картины те продолжают удивлять и радовать.

Да, время, конечно, другое. Но и художник изменился. Что-то ушло — не вернешь. Но многое и пришло. Прежде всего — новые темы. Мыслью завладел островной север, нивхи. Пожалуй, одни из лучших работ художника посвящены им. «Стрелки из лука», например, думаю, украсили бы самую престижную выставку. А сколько пейзажей, а за ними столько троп и дорог излазано. Натура, натура! — писал ее везде и всюду — у пика Чехова и в кафе «Алые паруса», в овощ-

ном ряду корейского базара и на синегорских минеральных водах.

Не раз я бывал у него в Южно-Сахалинске — в новой просторной мастерской (под ранг заслуженного!), и дома, и на даче у пролива Лаперуза, пересмотрел много работ, порадовался: крепкая кисть, цепкий взгляд, дыхание живой жизни. Вот названия только нескольких его полотен: «Боцман в отпуске», «В порту», «Картошка», «Пляж Татарского пролива»... В них удивительное соединение пейзажа и сюжета, в котором и люди, и предметы глядятся поистине одушевленными. Эти спилы громоздящихся на причале бревен, эти мешки картофеля и люди на поле — до чего же просто и живописно. Реализм высшей пробы.

Как и прежде, Гиви привлекает своей цельностью, как бы отстраненностью от мирских, личностных «игр», но вглядишься в его лицо и увидишь, как живо откликается оно на все, как остры глаза, чутки губы...

...Кажется, он постоянно что-то рисует, часто насвистывая родной, с детства затверженный мотив. А то и итальянскую мелодию — с любой ноты — слух феноменальный, можно рояль настраивать. А если «завести», покажет — один! — как поется на несколько голосов «криманчули» — знаменитое многоголосое кружево. Или отстучит поздно ночью по столу головомные ритмы, да так красиво, что соседи и не думают стучать по стене в ответ. Или — священный ритуал — бережно поставит на проигрыватель диск: Бах, Моцарт... Сам же, казалось, забыв обо всем, уткнется в холст. А поэзия! Чтение — наизусть «Витязя» по-грузински, потом Цветаеву — часами!

Редко показывает свой темперамент. Но зато — какой! Молниеносный жест рукой и выразительное слово с грациозным акцентом сквозь зубы. А помню, правда, давненько это было, как до утра, то и дело подсакивая, сидели мы у телевизора, когда в финале наши с чехами на льду отношения выясняли. Сколько экспрессии!

И все — рано или поздно — отражается, как в зеркале, на холстах, на бумаге.

...Антон Павлович, век назад побывавший на Сахалине, даже в самых светлых своих мечтах не мог предположить, что когда-то здесь смогут появиться такие вот старожилы острова, названного им адом. И не по принуждению, а по своей воле приехать сюда.

...Когда последний раз раставался с ним, Гиви подарил, как всегда, несколько своих работ. На этот раз сделанных в пуантелистской манере цветными фломастерами. На одном листе — сахалинский пейзаж, на другом — абрис грузинского замка: «Там, где, сливаясь, шумят...»

Художник по-прежнему верен своей исконной родине — Грузии, и второй — той, где он живет и творит, — далекой окраине великой России.

ЮЖНО-САХАЛИНСК — МОСКВА

